

4.2. Исторический источник как инструмент исторического исследования

УДК 94(47)"1940/1990

Т. Г. Архипова

ИНФОРМАТИВНОСТЬ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье на общем фоне мемуарной литературы анализируется информативность воспоминаний Ю.А.Королева, более сорока лет работавшего в аппарате Президиума Верховного Совета СССР на высоких должностях, входивших в номенклатуру ЦК КПСС. На страницах мемуаров подробно рассмотрены формы и методы работы аппарата Президиума, его взаимоотношения с ЦК КПСС и Советом Министров СССР, показана атмосфера, царившая в нем, даны характеристики государственных деятелей, возглавлявших в 40-х – 80-х гг. XX века высший орган представительной власти СССР, анализируется их вклад в формирование правового поля государства.

Ключевые слова: Верховный Совет СССР, Президиум Верховного Совета СССР, ЦК КПСС, Совет Министров СССР, закон, М. И. Калинин, Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов, Л. И. Брежнев, А. И. Микоян, Н. В. Подгорный, Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, М. С. Горбачев, А. А. Громыко.

Отношение историков к мемуарным источникам известно. Присущий им субъективизм, безусловно, требует сравнения с другими источниками, проверки и уточнений приводимых в них фактов и сведений. Однако не стоит забывать, что способы создания одних видов источников, сокрытие и уничтожение других постепенно повышают значение мемуаров. Бывает и такое, когда они являются единственным источником, когда речь идет о личной жизни самого мемуариста или персонажа из среды его общения.

В одной небольшой статье дать общую характеристику мемуарам, так или иначе затрагивающим историю российской государственности, невозможно. Мемуары, вышедшие в советские годы, отличаются известными стереотипами, характерными для идеологизированного общества с жесткой цензурной политикой государства, да и публиковалось их немного. В годы перестройки мемуары стали писать не только те, кто в свое время молчал, но и участники, и очевидцы событий рубежа двух веков. Примером таких мемуаров могут быть воспоминания Ю. А. Королева.

Опубликованные более двух десятилетий назад [Королев, 1995] они практически затерялись в мемуарном буме тех лет. Однако информация, содержащаяся в них, продолжает оставаться актуальной. Многим читателям фамилия автора была незнакома. Между тем, автор более сорока лет работал в аппарате Верховного Совета СССР, был свидетелем событий из числа тех,

что не были достоянием гласности. Бывший фронтовик, он по окончании Московского юридического института из нескольких предложенных ему мест выбрал канцелярию Президиума Верховного Совета. Поступив на работу, быстро продвигался по служебной лестнице: в аппарате Президиума был заведующим сектором, секретарем Комиссии по гражданству СССР, заведующим отделом писем, заместителем начальника канцелярии Президиума. Придя в аппарат в 1950 г., уже в сентябре 1953 г. он попал в самую высокую по тем временам номенклатуру должностей, его кандидатуру на соответствующую должность утверждали на заседании Секретариата ЦК партии во главе с М. А. Сусловым [Королев, 1995, с. 67]. Сам он характеризует свои мемуары как «записки чиновника..., стоявшего десятки лет у самого трона; аппаратчика, неизвестного миллионам, но знавшего, как одним росчерком пера вершатся судьбы этих миллионов» [Королев, 1995, с. 6].

Основное внимание автор уделяет организации и деятельности Верховного Совета СССР, его Президиума и десяти их руководителям. До и после выхода этих мемуаров некоторые из них писали свои воспоминания, после их ухода из жизни появились мемуары их сослуживцев, детей, жен и даже внуков [Маленков, 2007; Никонов, 2017; Прибытков, 1995; Хрущев, 2010; Хрущев, 2010]. Последние, по вполне понятным причинам, сосредоточились на оправдании своих предков.

Мемуары Королева носят обличительный характер. Свойственно ему и критическое отношение к себе. Он неоднократно пишет о тех привилегиях, которыми пользовался, о том, что «будучи лично благополучным» не слишком задумывался о бедности советских граждан» [Королев, 1995, с. 30], о собственной гибкости, позволившей проработать в аппарате до выхода на пенсию.

Юрист по образованию, преподававший в МГУ, работавший в Институте законодательства и семейного права, автор ряда научно-популярных работ, он, безусловно, владел формой подачи материала, что сделало его мемуары легко и с интересом читаемыми.

Он не останавливается подробно на характеристике Верховного Совета и его Президиума – к середине 90-х гг. их декоративность была доказана. Доказана была и особенность правовой базы Президиума в системе законодательных органов власти, позволявшая ему, минуя парламент, узким кругом лиц принимать акты любой юридической силы. В то же время приоритет Правительства по отношению к ним обоим был очевиден. Уже обнажилась незавидная участь политической системы в лице местных Советов. И все же для непосвященного читателя эта часть мемуаров будет весьма познавательной.

Пишет он об атмосфере, царившей в Кремле, об особенностях принятия решений, дополняя таким образом известные источники (стенограммы сессий, законы, указы и постановления), с которыми обычно имеет дело историк. Сессии проводились по утвержденной заранее в ЦК КПСС «партитуре»

– сценарию; каждого выступающего депутата готовили сотрудники аппарата; стенограммы, прежде, чем стать официальными, тщательнейшим образом правились. Мемуарист довольно подробно пишет о «кухне» принятия тех или иных актов. Ежегодно не один десяток постановлений готовился и оставался без исполнения – «Можно было доставать предыдущее, менять дату, номер и пускать в ход» [Королев, 1995, с. 211]. Ко времени его прихода в аппарат стиль работы по принятию любых решений вплоть до применения высшей меры наказания без всякого обсуждения, без наличия требуемого кворума, путем заочного голосования – опроса был уже сформирован. Отмечает он и особую секретность большинства принимаемых актов. Действительно, их львиная доля не публиковалась.

Интересно пишет он о том, как работала Приемная Президиума Верховного Совета – просители отбирались весьма жестко с тем, чтобы можно было удовлетворить их жалобу. Так создавался миф о справедливых и душевных руководителях [Королев, 1995, с. 40–41].

По страницам мемуаров разбросана информация о процедуре подготовки законопроектов, принятия законов, заорганизованности в подготовке речей депутатов, лукавстве цифр в бюджетах страны, подгонке статистических данных под плановые задания. Попытка озвучить подлинные цифры грозила отставкой даже министру [Королев, 1995, с. 163]. Очень красочно пишет Королев, каким было отношение к такому документу, как бюджет страны. Заметив в его проекте расхождение между доходами и расходами в 200 млн. руб., он отправился к главе Минфина В. Ф. Гарбузову. Тот, выслушав доклад о пропаже, сказал: «Пропали так пропали. Мы сейчас отыщем» и собственноручно в подлиннике закона исправил одну цифру, добавив недостающие миллионы [Королев, 1995, с. 211].

Каждая из глав мемуаров посвящена сроку пребывания в должности одного из героев повествования. Лишь Л. И. Брежневу отведены две главы. По ходу рассказа о них он дает характеристики другим крупным государственным деятелям, с кем приходилось сталкиваться по работе – В. М. Молотову, А. Н. Косыгину, Л. М. Кагановичу, Н. И. Рыжкову и др.

В соответствии с действующей Конституцией Председатель Президиума Верховного Совета СССР должен был считаться главой государства, или высшим должностным лицом, но таковым он в сложившейся политической системе не был никогда. Это Королев понимал, хотя периодически именовал президентами тех, кто занимал эту должность. Понимали это и они, например, М. И. Калинин [Королев, 1995, с. 21].

В главах, посвященных очередному председателю Президиума, автор дает им развернутую характеристику. Остановимся на некоторых деталях. Так, малоизвестного тогда, да и сейчас, Н. М. Шверника он именует «прирожденным бюрократом» [Королев, 1995, с. 19]; К. Е. Ворошилов, по его мнению, больше походил на невежественного свадебного генерала [Королев,

1995, с. 76, 80]; побывавший дважды в этой должности Л. И. Брежнев не любил юристов и занятий «умственными» делами» [Королев, 1995, с. 105, 113], во второй срок за него работала команда претендентов на его должность [Королев, 1995, с. 212]; у А. И. Микояна он подчеркивает сочетание в поведении осторожности, консерватизма, нежелания воспринимать не нравящуюся ему информацию с «неуемной деловитостью», «несдержанностью и резкостью» [Королев, 1995, с. 127–129]; Н. В. Подгорный, восседавший «на троне» более десяти лет, был одним из самых малоприметных людей [Королев, 1995, с. 142]. Пространные объяснения Королева причин прихода к власти Ю. В. Андропова в настоящее время устарели, а размышления на тему развития страны, проживи он дольше, кажутся излишне оптимистичными. Большой интерес представляют его наблюдения об определенной закономерности занятия высших государственных постов в ряде стран, большей частью социалистических, руководителями органов госбезопасности [Королев, 1995, с. 218]. Время пребывания в Верховном Совете К. У. Черненко не ознаменовалось значительными событиями [Королев, 1995, с. 250], в этой фигуре отразилось «все худшие стороны периода застоя», «развитого», «зрелого» и прочего «надувного социализма» [Королев, 1995, с. 251]. Автором отмечено оживление в деятельности парламента во время пребывания во главе него А. А. Громыко [Королев, 1995, с. 265–266], который не мыслил каких-то изменений в политической системе СССР по примеру тех стран, где провел много лет, неоднократно повторяя, что «у нас свой путь к благоденствию» [Королев, 1995, с. 273–274]. Последняя глава мемуаров посвящена М. С. Горбачеву – первому и последнему легитимному Президенту СССР, которого мемуарист знал прежде. В целом оценка Горбачева представляется нам субъективной, хотя из всех президентов, с кем работал, он его и Андропова называет Личностями. Горбачеву, с одной стороны, пришлось отвечать за все ошибки партии и ее вождей, за свои ошибки, за состояние экономики и всех сфер жизни общества. Мешала система, разрушить до основания которую он не решился или не смог. С другой стороны, гражданам нужны были как можно быстрее практические результаты его бурной деятельности не только за пределами страны. Постепенно он утратил ту поддержку, которую ему оказал Съезд народных депутатов, демократически настроенная часть аппарата и советской интеллигенции.

Последние страницы мемуаров посвящены размышлениям пенсионера о судьбах новой России, которые не лишены оптимизма.

Таким образом, анализируемые мемуары интересны будут тем, кто исследует историю высшего органа власти страны, его руководителей и постановку делопроизводства в нем.

Список литературы

- Королев Ю. А.* Кремлевский советник (XX век глазами очевидцев). М. : Олимп, 1995.
Маленков А. Г. О моем отце Георгии Маленкове. М. : Mageric, 2007.

- Никонов В. А. Молотов. М. : Молодая гвардия, 2017.
Прибытков В. Аппарат. М. : ВИС, 1995.
Хрущев С. Н. Пенсионер союзного значения. М. : Время, 2010.
Хрущев С. Н. Никита Хрущев: Реформатор. М. : Время, 2010.

УДК 37.014.2

М. К. Елисафенко

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ: АРХИВ – ЗЕМСКОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО – СТАТИСТИКА

Изучение истории народного образования необходимо начинать с реконструкции всех обстоятельств жизни общества, а также условий, в которых функционировали начальные учебные заведения разных типов. Исследователю необходимо ознакомиться с комплексом источников, раскрывающих формальные, количественные, содержательные аспекты жизни школы. При этом необходимо помнить, что имеющиеся документы весьма разнообразны по ведомственной принадлежности, степени достоверности, политическим и идеологическим позициям авторов. Объективная оценка и интерпретация источников – залог успеха историка.

Фонды центральных и местных архивов позволяют выявить общероссийские тенденции и определить региональную специфику. Сопоставление архивных документов с данными опубликованных источников позволяет не только реконструировать процесс становления доступного образования, но и представить максимально объективную оценку вклада в этот процесс всех участников: государства, педагогической общественности, органов местного самоуправления.

Ключевые слова: архив, делопроизводство, земство, источник, количественные показатели, начальное народное училище, образование, опубликованные источники, социальные проблемы, статистика.

Для историка источник является не только средоточием информации, но и объектом исследования. Нам важно понять степень репрезентативности разных типов и видов источников, достоверность содержащейся в них информации, характер оценочных выводов и др. Большую часть профессиональной деятельности историка занимает работа с разнообразными источниками, давно введенными в научный оборот, но требующими переосмысления, или неопубликованными, нуждающимися во всестороннем анализе.

Когда речь заходит об изучении системы отечественного образования во второй половине XIX – начале XX в., мы не можем сетовать на скудость источниковой базы. Исследователь может использовать источники официального происхождения, делопроизводственные документы органов земского самоуправления, официальную и земскую статистику, материалы периодической печати, памятные книжки, материалы личного происхождения и проч., хранящиеся в центральных и региональных архивах или опубликованные.

К сожалению, специальные источниковедческие работы по истории отечественного образования в пореформенный период, как на общероссийском, так и региональном уровне, являются большой редкостью. В этой связи хотелось бы упомянуть диссертацию Е. М. Червяковой [Червякова, 2005]. Ин-